

Т. В. Андреева

АЛЕКСАНДР I И «ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО» ДЕКАБРИСТОВ. 1818–1825 ГГ.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ ИЛИ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ?

В начале осени 1822 г. генерал-адъютант А. И. Чернышев представил Александру I копию «Зеленой книги», подчеркнув ее сходство с уставом Ордена иллюминатов. Элементы устава нашли отражение в «Полной истории гонения иллюминатов в Баварии» Адама Вейсгаупта и «Оригинальных писаниях Ордена иллюминатов», изданных в Мюнхене еще в 1787 г.¹ Однако император, просмотрев первую часть устава Союза благоденствия, заметил, что «совпадения постановлений иллюминатов с правилами Союза Благоденствия весьма невелики» и не стоит беспокоиться². Этот отзыв Александра I весьма симптоматичен и отражает всю неоднозначность и сложность проблемы «Александр I и “Тайное общество”»³ декабристов». В чем же сущность подобного «спокойного» отношения императора к политической конспирации? Ведь, согласно императорскому рескрипту от 1 августа 1822 г. на имя управляющего Министерством внутренних дел В. П. Кочубея о закрытии всех нелегальных общественных объединений в России, деятельность Союза была незаконной. Что это было — политическая толерантность или прагматика государственных интересов?

На тот факт, что верховная власть со второй половины 1810-х гг. была информирована о деятельности «Тайного общества» в России, ретроспективно указывали уже современники. Речь идет о свидетельствах, исходящих, как от самого Николая I, военных деятелей — генералов И. О. Витта, И. В. Васильчикова и А. И. Чернышева, так и от представителей общества — А. Т. Болотова, А. С. Пушкина, в том числе видных декабристов — Д. И. Завалишина, Н. И. Тургенева, М. С. Лунина, С. П. Шипова.

Имеются свидетельства, что Николай I, выступая перед европейскими дипломатами на первом официальном дипломатическом приеме, состоявшемся

¹ Об Ордене иллюминатов см.: *Le Forestier*. Les illumines de Baviere et la franc-maçonnerie allemande. 2 ed. Geneve, 1974; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 244–246.

² Цит. по: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 427.

³ Не только сами члены политической конспирации, доносители и агенты полиции, но и императоры Александр I Николай I, и члены Следственной комиссии считали декабристские организации единым «Тайным обществом» или «Тайным союзом», единой, эволюционирующей нелегальной организацией, имеющей «отделения» или «отрасли». См.: *Лунин М. С.* Взгляд на русское Тайное общество с 1816 до 1826 года // Письма из Сибири. М., 1988. С. 54–62; *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / Сост., вступ. статья и комм. Т. В. Андреевой и П. В. Ильина. СПб., 2011. С. 62–63.

© Т. В. Андреева, 2013

вскоре после подавления военного «бунта» в столице, то есть 20 декабря 1826 г., заявил: «Я хочу, чтобы Европа знала всю правду о событиях 14/26 декабря. <... > Смерть императора была предлогом, а ни в коем случае не причиной только что подавленного восстания. Замышлялся этот заговор уже давно, покойный император знал о нем и относил его к 1815 году, когда несколько революционеров, зараженных революционными идеями и неопределенным желанием улучшений, стали мечтать о реформах и подготавливать обширную конспирацию. Мой брат Александр, оказывавший мне полное доверие, часто говорил мне об этом <...>»⁴. «Заговор — давнишнего происхождения, он возник около 1817 года, и покойный император вполне был осведомлен о его существовании», — передавал в своем донесении в Париж слова императора другой дипломат. При этом он акцентировал внимание руководителей своего ведомства на словах Николая Павловича, что к Александру I, знавшему о заговоре и сдерживавшему заговорщиков «мудрыми и подозрительными мерами», только в последние годы его жизни пришло горестное осознание того, что «их замыслы все еще продолжались, и что в какой-либо день они могут поставить страну и правительство в очень опасное положение»⁵. Сам Николай I в 1848 г. при чтении рукописи книги М. А. Корфа оставил следующую маргиналию: «По некоторым данным я должен полагать, что государю в 1818 году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на царевубийство»⁶.

Эта дата находит подтверждение в записке на имя Николая I генерал-лейтенанта графа И. О. Витта, составленной им в 1826 г. по повелению нового императора. Генерал писал, что в 1818 г. Александр I получил информацию о деятельности политического «Тайного общества» в России. До сих пор неизвестны источник и пути получения этих сведений императором. На основании записки можно предположить только, что осведомитель находился на юге империи. Причем, надо думать, в ближайшем окружении основателей и видных членов Союза спасения — П. И. Пестеля и М. И. Муравьева-Апостола, в 1817 г. ставшего адъютантом малороссийского генерал-губернатора кн. Н. Г. Репнина-Волконского (брата С. Г. Волконского)⁷. С семьей И. О. Витта (помимо указанных лиц) были также знакомы Н. М. Муравьев и его кузен М. С. Лунин. При этом Пестель одно время даже намеревался свататься к дочери генерала — Изабелле Витт⁸. Однако после подавления в 1819 г. бунта военных поселян в Чугуевском поселении отношение членов «Тайного общества» к И. О. Витту изменилось. Как вспоминал С. П. Трубецкой, «исполнители (расправы над чугуевцами. — Т. А.) графы Аракчеев и Витт сделались предметами всеобщего омерзения; и имя самого императора не осталось без нареkania. Трудно поверить, чтоб ему неизвестными оставались варварские действия этих двух человек; и это подавало невыгодное мнение о его сердце и нраве»⁹.

⁴ Цит. по: *Борцяк И. [К.] Восстание декабристов в освещении французского дипломата* (По неизвестным материалам) // *Парижский вестник*. 1925. 25 июля. № 69.

⁵ Цит. по: *Александренко В. Н.* Россия и Англия в начале царствования императора Николая I (По донесениям английского посла Странгфорда) // *РС*. 1907. Т. 131. № 9. С. 533.

⁶ Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа // *Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи*. М.; Л., 1926. С. 41.

⁷ *Декабристы*. Биографический справочник. М., 1988. С. 43, 121.

⁸ Письма Н. М. Муравьева матери от 4 сентября, 10 и 13 октября 1820 г. с приписками М. С. Лунина // *Лунин М. С.* Письма из Сибири. С. 224–228; *Нечкина М. В.* Движение декабристов: В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 353–354, 465.

⁹ *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 54.

Что же касается информации, полученной Александром I от агента с юга, то она не имела каких-либо последствий для «Тайного общества», хотя в донесении указывалось, что главной целью конспирации являлось установление в России конституционной монархии. По распоряжению Александра Павловича, который сам намеревался стать конституционным монархом, И. О. Витт, с 1819 г. назначенный начальником Южных военных поселений, обязывался лишь строго наблюдать за находившимися в его ведении губерниями, в которых, по сведениям царя, действовали «агенты Тайного общества». «Того же 1819 года, по дошедшим до покойного блаженной памяти государя императора известиям, повелено мне было иметь наблюдения за губерниями: Киевскою, Волынской, Подольскою, Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою, и в особенности за городами Киевом и Одессою», — подчеркивал И. О. Витт в своей записке Николаю I. При этом генералу разрешалось использовать «секретную связь» и «употреблять агентов, которые никому не были известны». «Все на необходимые случаи разрешения обязан я был принимать от самого в Бозе почившего государя императора», — писал И. О. Витт¹⁰.

Между тем, с 1818 г. Александр I знал не только о существовании «Тайного общества» в России, но, как видно из маргиналии Николая I, и о намерениях левого крыла заговорщиков использовать радикальные способы борьбы за конституцию. Как известно, среди членов декабристской конспирации не раз возникали цареубийственные проекты. В намерении убить Александра I и всю императорскую семью были уличены на следствии или признались сами — М. П. Бестужев-Рюмин, А. М. Булатов, Ф. Ф. Вадковский, П. Г. Каховский, А. З. Муравьев, М. И. Муравьев-Апостол, М. С. Лунин, П. И. Пестель, Ф. П. Шаховской, А. И. Якубович, И. Д. Якушкин. Первый по времени замысел, предложенный М. С. Луниным, относится к 1816 г.¹¹. После Петербургского совещания в 1820 г. члены Коренного совета Союза благоденствия собрались в Преображенских казармах на квартире И. П. Шипова, чтобы выбрать пути установления республиканского строя. После долгих споров вновь встал вопрос о цареубийстве¹². В декабристских кругах существовали планы убийства Александра I во время военных маневров в 1823 г. при Бобруйске, в 1824 г. — при Белой Церкви. В том же году М. И. Муравьев-Апостол вызывался убить императора и всех членов царской семьи «на каком-нибудь большом придворном бале и тут же провозгласить установление республики», и подговаривал на это Ф. Ф. Вадковского, А. З. Муравьева П. Н. Свистунова¹³. В 1825 г., согласно показаниям В. Л. Давыдова, «Артамон Муравьев клялся на Евангелии совершить сие злодеяние» в Таганроге¹⁴. Однако, как справедливо считал еще С. Н. Чернов, это решение каждый раз оказывалось не тактической установкой руководства «Тайного общества», а спонтанной реакцией, основанной на «неожиданной комбинации настроений и обстоятельств» и «разбивалось об упорную оппозицию большинства»¹⁵. Схожую позицию занимает современный

¹⁰ Записка гр. И. О. Витта о поручениях, в которых был употреблен императором Александром I. Написана собственноручно И. О. Виттом для Николая I и относится к 1826 г. Копия // ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). Карт. 17. № 20. Л. 1–5 об.

¹¹ Восстание декабристов. Т. XVII. М., 1980. С. 27.

¹² Там же. Т. XX. М., 2001. С. 9.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Декабристы. Биографический справочник. С. 252.

¹⁵ Чернов С. Н. Несколько справок о Союзе благоденствия перед Московским съездом 1821 г. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 18.

исследователь М. М. Сафонов, по мнению которого, 14 декабря 1825 г. «поручение Каховскому совершить террористический акт не имело существенного значения и носило вид некоего подспорья, задуманного на всякий случай, лишь для подстраховки основного замысла»¹⁶.

Действительно, даже самый известный «московский заговор» 1817 г.¹⁷ был обусловлен конкретными обстоятельствами, связанными с письмом С. П. Трубецкого, адресованным московским членам Союза спасения, в котором передавались слухи о сложившихся якобы намерениях правительства присоединить к Царству Польскому русские западные губернии, приобретенные еще в царствование Екатерины II. Кроме этого, в письме, которое не сохранилось, С. П. Трубецкой сообщал о решительном намерении Александра I освободить помещичьих крестьян. Будто бы император в разговоре с председателем Государственного совета П. В. Лопухиным (о котором Сергей Петрович узнал от сына сановника, члена Союза спасения П. П. Лопухина) заявил, что, «если дворяне будут противиться, я уеду с семьей в Варшаву и оттуда пришлю указ»¹⁸. Письмо повлекло за собой радикализацию настроений некоторых членов Союза, горячие споры и обсуждение необходимости свержения или убийства императора, что привело к «московскому заговору» и вызовам на цареубийство Ф. П. Шаховского, А. З. Муравьева, И. Д. Якушкина. Со слов же сына И. Д. Якушкина — известного собирателя наследия декабристов Е. И. Якушкина, записанных Н. К. Шильдером в 1897 г., — «тогда были слухи, что Александр I удалится в Варшаву, откуда издаст манифест о реформе. Декабристы были убеждены, что вслед за этим последует общая резня помещиков. Чтобы избежать сего — решили убить Александра I»¹⁹.

Однако Александр I, даже зная о цареубийственных планах заговорщиков, не усилил меры по их поиску, поскольку ложных сведений подобного рода было достаточно много. Император, вероятно, полагал, что информация о «вызове Якушкина на цареубийство» была в одном с ними ряду. Большое число подобного рода доносов за 1814–1825 гг. отложилось в фонде Комитета охранения общей безопасности Государственного совета. И хотя все они оказывались ложными, сведения по делам «о существовании в России заговора на жизнь императора», безусловно, доходили до Александра I²⁰. Кроме этого, Особенная канцелярия при министре полиции, в 1819 г. перешедшая в состав Министерства внутренних дел,

¹⁶ Сафонов М. М. 14 декабря 1825 г. и проблема цареубийства // Политическая история России. Исторические чтения: «Гороховая, 2, 2006». Вып. 3. СПб., 2006. С. 14–17.

¹⁷ Об этом см.: Мироненко С. В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 239–250; Артамонов Д. С. Из истории «московского заговора» 1817 года // Освободительное движение в России. Вып. 21. Саратов, 2006. С. 55–67.

¹⁸ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 40, 47, 52, 159, 287–288.

¹⁹ Рассказы Е. И. Якушкина, записанные в Ярославле 22 ноября 1897 г. // ОР РНБ. Ф. 859. К. 38. № 15. Л. 15.

²⁰ О берейгоре, саксонском уроженце И. И. Игналинцове, сделавшем извет о существовавшем в России заговоре на жизнь императора Александра Павловича и цесаревича Константина Павловича // РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности). Оп. 1. 1814–1821 гг. Д. 3; По доносу служащего в Нижегородском земском суде коллежском регистраторе Иване Николаеве на бывшего священника Васильева и канцеляриста Лариона Снежинского, сделавших извет о покушении на жизнь императора Александра I // Там же. 1815–1825 гг. Д. 2; О канцеляристе Тимофее Филинкове, сделавшем доносы о злоумышлении на жизнь императора Александра I // Там же. 1817–1827 гг. Д. 2а; О ревельском помещике М. И. Градовском и шляхтиче И. М. Бобятинском, обвинявшихся в ложном доносе о заговоре против императора Александра I // Там же. 1818–1826 гг. Д. 1а.

всегда с особым вниманием относилась к делам и доносам об «оскорблении царя и всей царской фамилии» и всегда информировала о них самого императора²¹.

Что же касается Союза благоденствия, то информацией о нем Александр I владел почти в полном объеме, поскольку именно на данную организацию было самое большое число доносов²². Самым информативно насыщенным был донос М. К. Грибовского. Доноситель раскрыл перед властью данные о генезисе, составе, политических целях и тактических установках политической конспирации, Петербургском совещании на квартире Ф. Н. Глинки в марте 1820 г., Московском съезде на квартире братьев И. А. и М. А. Фонвизиных в январе-феврале 1821 г., преобразовании Союза спасения в Союз благоденствия и последнего в две отрасли — Северную и Южную. На то, что Александр I о деятельности политической конспирации в России наиболее адекватные сведения получил из доноса М. К. Грибовского, ретроспективно указывали сами ее руководители и видные члены. Так, Н. И. Тургенев, вспоминая опасения своих товарищей относительно «полуобнаружения» «Тайного общества» после Московского съезда, писал: «Основания для подобных опасений были. Различные обстоятельства подтверждали, что императору было не только известно о существовании в России тайных обществ, но он знал и фамилии многих из участников. Некоторые высокопоставленные чиновники иногда проговаривались об этом в минуты раздражения, и у нас не было сомнений в верности этих суждений. Однако мы сохраняли полное спокойствие. Мы были убеждены, что никому не внушаем страха»²³. М. С. Лунин в своем «Разборе Донесения Тайной Следственной Комиссии» также подчеркивал, что «правительство знало о существовании Тайного союза: в бумагах покойного императора отысканы сочинения одного из его членов»²⁴. Не вызывает сомнений, что речь шла о «Записке о тайных обществах в России», поданной в мае 1821 г. Александру I от члена Союза благоденствия, библиотекаря Гвардейского Генерального штаба и тайного агента командующего Гвардейским корпусом И. В. Васильчикова — М. К. Грибовского, через посредничество начальника Штаба корпуса А. Х. Бенкендорфа²⁵.

Александр I ознакомился с запиской М. К. Грибовского после возвращения летом 1821 г. с конгресса Священного союза в Лайбахе. Когда император появился

²¹ Дело о предании суду дьякона К. Бызова за оскорбление царя. 27 августа–21 сентября 1816 года // ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная Канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 300. Л. 1–9; Дело о расследовании доноса унтер-офицера Н. Шляхотенко на прапорщика Нарвского пехотного полка И. Васильева по обвинению его в «оскорблении царя». 16 февраля – 16 июля 1817 г. // Там же. Д. 312. Л. 1–36; Переписка с Казанским военным губернатором о расследовании доноса канцеляриста Иванова на мещанина Карташова об «оскорблении царя». 15 февраля – 24 февраля 1817 г. // Там же. Д. 304. Л. 1–34; Рапорт исправника Курской губернии управляющему министерством полиции об «оскорблении царя» содержанием питейного дома в с. Никольском Обоянского уезда Бирюковым. 7 октября 1819 г. // Там же. Д. 299. Л. 1–4.

²² Об этом см.: *Рогинский А. Б., Равдин Б. Н.* Вокруг доноса Грибовского // Освободительное движение в России. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 90–99; *Федоров В. А.* Доносы на декабристов (1820–1825) // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1988. С. 130–151; *Семенова А. В.* Новое о доносе М. К. Грибовского на декабристов // Советские архивы. М., 1991. № 6. С. 65–71; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 449–468.

²³ *Тургенев Н. И.* Записки изгнанника // Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2000. С. 61.

²⁴ *Лунин М. С.* Разбор Донесения Тайной Следственной Комиссии Государю Императору в 1826 году // Лунин М. С. Письма из Сибири... С. 74, 420.

²⁵ Записка о тайных декабристских обществах в России, составленная Грибовским и поданная А. Х. Бенкендорфом Александру в 1821 году // ГАРФ. Ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа). Оп. 1. Д. 162. Л. 1–6 об. Опубликована впервые: Русский архив. 1875. Кн. 3. № 12. С. 423–433.

в Петербурге, то И. В. Васильчиков получил возможность лично ему доложить все «указания» своего агента-доносчика и вручить собранный им материал. При этом «государь при словах о заговоре, которые, по-видимому, не были для него неожиданными, не обнаружил ни удивления, ни гнева и не только не дал приказания арестовать или выслать членов Тайного общества, но даже определенно указал, что “не ему с ними быть жестоким”». Однако «находился в самом мрачном положении духа»²⁶. По другой версии, нашедшей отражение в воспоминаниях члена Союза спасения и Союза благоденствия, генерал-майора С. П. Шипова, после ознакомления с запиской М. К. Грибовского, Александр I будто бы сказал И. В. Васильчикову: «Не следует ударять шпагой по воде»²⁷. Сын И. В. Васильчикова — А. И. Васильчиков со слов отца также указывал, что «государь ни в этот раз (в 1821 г.), ни позже, несмотря на убедительную просьбу моего отца, не согласился принять меры против заговорщиков и говорил ему: “Никогда не прощу себе, что я сам заронил первое семя сего зла”»²⁸.

На этом же странном бездействии властей акцентировал внимание читателей своих мемуаров предполагаемый член Северного общества Д. И. Завалишин, полагая, что государственным лицам из ближайшего окружения Александра I, так же как самому императору, «неловко было бы преследовать людей за те самые идеи и стремления, которые и они некогда разделяли»²⁹. Действительно, чувство «вины», которое испытывал Александр I за распространение либеральных идей, играло не последнюю роль в мотивационном обосновании его отношения к конспирации. По мнению австрийского канцлера К.-В. Меттерниха, российский император являл собой монарха, «политика которого так много помогла революционерам в его собственном государстве и который поставлен был в необходимость бороться с тем классом своих подданных, введенных в заблуждение и сбитых с пути теми же самыми людьми и принципами, которые он сам долго поддерживал»³⁰.

С точки зрения посла Великобритании при русском дворе лорда Дж. Лофтуса, даже поездка в Таганрог была своего рода «бегством» императора, испугавшегося не только «заговора» с целью его убить, но и тех проблем, которые могли бы возникнуть при официальном расследовании причин создания и деятельности в России политического «Тайного общества»³¹. На данный мотив отказа Александра I от ареста и суда над «заговорщиками» обращал внимание и А. С. Пушкин, который в своих дневниках писал: «Но пока государь окружен был убийцами своего отца — вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жесткие истины»³².

Известный просветитель А. Т. Болотов, вероятно, отражая общественные настроения 1820-х гг., не сомневался в том, что император прекрасно знал, что «в государстве его много злоумышленных». Но почему же государь не предпринял

²⁶ Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 12. С. 412. — Об этом см.: Чернов С. Н. Несколько справок о Союзе благоденствия. С. 35.

²⁷ Воспоминания С. П. Шипова // РА. 1878. Кн. 2. № 6. С. 183.

²⁸ Цит. по: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 384.

²⁹ Записки декабриста Д. И. Завалишина. СПб., 1906. С. 213.

³⁰ Из записок князя Меттерниха // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 179.

³¹ Из дипломатических воспоминаний лорда Лофтуса. Рассказы о кончине императора Александра I // ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). К. 18. № 18. Л. 53.

³² Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 35.

никаких активных мероприятий «по пресечению их разрушительных действий»? Отвечая на этот вопрос, А. Т. Болотов стремился реабилитировать Александра I и объяснял бездействие носителя верховной власти «неудобностью открыть всю злодейскую шайку заговорщиков и злонамеренных», да и «прицепиться к ним и к открытию всей шайки и комплота не было ни повода, ни надобности»³³. Таким образом, уже тонким и умным современникам была видна сложная и неоднозначная подоплека отношения Александра I к движению тайных обществ в России.

Вопрос о причинах подобного поведения монарха не раз ставился в отечественной литературе³⁴. В новейших исследованиях, прежде всего, работах А. Н. Сахарова, его поведение объясняется, с одной стороны, политической толерантностью и гуманностью Александра I, а с другой — желанием императора сохранить свой политический авторитет. Историк подчеркивает, что «в этом можно усмотреть и гуманный акт, и неверие в серьезность их намерений, поскольку народ среди заговорщиков был не сановный, молодой. Но, возможно, что Александр — и в этом могла быть обнаружена его действительная государственная мудрость, которая в подобных случаях изменяет многим правителям — просто не захотел привлекать внимание к щепетильной проблеме, оповещать мир о противостоящей ему оппозиции, создавать прецедент»³⁵.

Однако анализ официальных материалов и источников личного происхождения позволяет сделать вывод, что отказ Александра I от политики репрессий в отношении членов «Тайного общества» основывался не на его принципиальной толерантности, а на прагматике государственных интересов и был обусловлен целым комплексом причин внешне- и внутривнутриполитического свойства.

Внешилополитический срез. Во-первых, в обстановке международной нестабильности громкий политический процесс был не выгоден императору, пытавшемуся строить свои взаимоотношения с западными партнерами на условиях доминирования России в европейской политике. При этом провал российской дипломатии в греческом вопросе еще более актуализировал это стремление. Тот факт, что император так и не смог разрешить поставленной греческим восстанием альтернативы — либо помочь единоверцам, и тем самым содействовать революции против «законной» власти и еще более дестабилизировать социально-политическую ситуацию в Европе, либо предоставить греков их собственной участи и этим ослабить позиции России на Востоке — свидетельствовал об усиливающейся политической беспомощности, бездейственности, а по сути — кризисе верховной власти. Даже К. Меттерниху казалось, что «не Россия ведет нас, а мы ведем императора Александра по множеству совсем простых причин. Ему нужны советы, а он потерял всех своих советников. Каподистрия выглядит в его глазах как глава карбонариев. Он не доверяет своей армии, своим министрам, своему дворянству, своему народу»³⁶.

Во-вторых, поскольку все европейские революции 1820-х гг. были подготовлены членами политических конспираций, то публичное признание деятельности

³³ Жуковская Т. Н. Зимние тетради: письмо А. Т. Болотова внуку М. А. Леонтьеву от 30 января 1826 г. // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 24.

³⁴ Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. Вокруг доноса Грибовского. С. 90–99; Семенова А. В. Новое о доносе М. К. Грибовского на декабристов. С. 65–71.

³⁵ Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998. С. 112.

³⁶ Цит. по: Рахимир П. Ю. Князь Меттерних: Человек и политик. Пермь, 2005. С. 204.

«Тайного общества» в России умалило бы державное положение великой страны. В глазах коллег по Священному союзу гласный судебный процесс обнаружил бы, что и Российская империя не застрахована от разрушающего действия конспиративных союзов и ее «легко возмутить». Это могло ослабить позиции России в европейском альянсе. Именно поэтому после получения 28 октября 1820 г. на конгрессе в Троппау известия о восстании Семеновского полка, которое было инспирировано, как считал Александр I, адептами «Тайного общества», российский император попытался заверить К. Меттерниха, что «он ручается головою, что у него в России никаких не будет восстаний». На что австрийский дипломат с сарказмом отвечал: «Государь не теряйте голову; она слишком драгоценна для России и для Европы»³⁷. Немаловажным обстоятельством в системе мотивационных обоснований оказывалось и наличие секретных протоколов трех конгрессов Священного союза (Аахен 1818 г., Троппау–Лайбах 1820–1821 гг., Верона 1822 г.) о праве вмешательства союзных правительств во внутренние дела субъекта союза, если в нем «зафиксировано» революционное движение. И хотя для интервенции союзнических войск был необходим официальный призыв о помощи, тем не менее, факт их существования, надо думать, удерживал власть от явных политических акций в отношении российских инсургентов.

Внутриполитический срез. Что касается российского среза, то отказ от политики жестких репрессий, ареста и привлечения к суду членов «Тайного общества» был обусловлен несколькими политическими обстоятельствами. Во-первых, как уже отмечалось, самые информативно насыщенные доносы император получил на Союз благоденствия. Однако в его представлении, да и реально, Союз не был революционной организацией, имел либерально-просветительскую направленность, в нем доминировали конституционно-монархические тенденции. Более того, Союз, возникший по образцу масонских лож и немецкого Союза добродетели или Тугендбунда, являл собой политическую организацию, которая не только не была антиправительственной, но, наоборот, пыталась пойти на диалог с правительством, поддержать и укрепить его реформаторские устремления. В силу этого, существование «Тайного общества», его просветительская деятельность, конституционные цели и освободительные задачи в глазах императора, который в своей знаменитой варшавской речи сам провозгласил идею о распространении конституционно-аболиционистского опыта Царства Польского на всю Россию и ждал в ответ преобразовательную инициативу от дворянства, не являлось чем-то противозаконным и антигосударственным.

Следует подчеркнуть, что, по мнению самих декабристов, именно либерально-реформаторские, рассчитанные на долговременную идеологическую подготовку к изменению государственного строя страны и уничтожению крепостного права, цели «Тайного общества», корреспондирующие с преобразовательными намерениями императора, подтолкнули его к обнародованию своих планов введения конституции в России на Варшавском сейме. Так, член Союза спасения и Союза благоденствия М. С. Лунин ретроспективно писал: «Нравственный толчок от распространения им (то есть ранним «Тайным обществом»). — Т. А.) идей был так силен, что император Александр счел нужным обещать, что дарует конституцию

³⁷ Глинка С. Н. Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества: Шестой период царствования Александра первого от 1818 года до 1825. 8 января 1844 г. // Николай I. Личность и эпоха: Новые материалы. СПб., 2007. С. 121.

русским, как скоро они будут в состоянии оценить ее пользу (Речь при открытии Варшавского сейма, 15 марта 1818 г.)). Указывая, что такое обещание было встречено членами союза «с любовью и доверием, которое заслуживал высокий сан обещавшего», автор подчеркивал, что «это был политический залог» правительства. Этот «залог» не только «освящал» цели общества и придавал ему «новое рвение», но способствовал концентрации и собиранию всех его сил, чтобы «данное обещание сделать независимым от временной воли лица, и научить нацию понять, оценить блага свободы и их удостоиться»³⁸.

При этом императора, правительственных реформаторов и руководителей «Тайного общества» объединяла проблема общего и общественного мнения, поиска инструментов влияния на широкую общественную среду для создания позитивного имиджа власти и упрочения авторитета правительственной политики, а также формирования прогрессивного дворянского сознания как идеологической основы будущих реформ. С точки зрения того же М. С. Лунина, «Тайное общество» своей либерально-просветительской деятельностью превращалось из субъективной в объективную политическую силу и делало необратимым процесс буржуазной модернизации социально-политического строя в России: «Действуя влиянием разумной силы на массу народа, оно сумело направить мысли, чувства, даже страсти различных сословий к органическому преобразованию самого правительства. Существенные задачи конституционного образа правления были поставлены и определены так, что их решение становилось неизбежно в более или менее отдаленном будущем»³⁹.

И хотя механизм воздействия на дворянское общество в полной мере реально не работал ни у союза, ни у правительства, сам факт необходимости формирования прогрессивного общественного мнения осознавался правительством и руководством Союза благоденствия. До начала 1820-х гг., как российские «либералисты» в целом, так и их наиболее активная часть — идеологи декабризма — надеялись на взаимодействие правительства и общественных сил. Важнейшими формами этого сотрудничества, по мнению руководителей союза (М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева), а также лиц из их ближайшего круга (Д. И. Завалишина) — должны были стать не только контроль над общественными настроениями, но и определенная доля участия общества (и его части — союза) в реформаторском процессе. Их надежды были основаны на самоидентификации прогрессивного дворянства как политической силы, потенциально способной разделить с монархом ответственность за реформаторские попытки. Кроме этого, стремление к взаимодействию было обусловлено просветительской идеей, что даже за злоупотребления и ошибки правительство, которое прислушивается к общественному мнению, в глазах общества, развитого, привыкшего к политической деятельности и являющегося его поддержкой, несет гораздо меньшую ответственность⁴⁰.

Таким образом, в 1816–1820 гг. возникла совершенно реальная возможность для движения навстречу друг другу — верховной власти и просвещенной части

³⁸ Лунин М. С. Взгляд на тайное общество в России (1816–1826) // Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 271.

³⁹ Там же. С. 269.

⁴⁰ См. об этом: Шешин А. Б. 1) Устав Ордена Восстановления // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. II. СПб.; Кишинев, 2000. С. 139–174; 2) Д. И. Завалишин и Александр I // Там же. Вып. IV. СПб.; Кишинев, 2001. С. 261–332.

дворянского общества, организованной в нелегальную, но мирную «оппозицию». Но этого так и не произошло. Александр I с эгоистической недалечностью отказал российскому общественному либерализму в праве на легитимное существование. Это приводило не только к его размыванию и деморализации⁴¹, но и к ослаблению преобразовательных потенций самой верховной власти, поскольку самостоятельно, без поддержки и взаимодействия с общественными силами она была не в состоянии постоянно держать высокий уровень преобразовательных программ и постоянное направление устойчивого, последовательного реформаторства.

В последнюю эпоху царствования Александра I и последний период деятельности «Тайного общества», то есть в 1821–1825 гг., к этому диалогу уже не стремилась ни та, ни другая сторона. Более того, происходил взаимообусловленный процесс, с одной стороны, усиления охранительных тенденций в правительственной политике, а с другой — расширения радикальной составляющей в политической конспирации. В результате кризис официального либерализма выступал объективной и субъективной силой. С одной стороны, он спровоцировал радикализацию политических целей и тактических установок некоторых руководителей и активистов «Тайного общества», а с другой — сам в определенной мере был обусловлен кризисом декабристской конспирации. С начала 1820-х гг. «Тайный союз» декабристов, оставаясь по своей природе социально-культурным феноменом и имея либерально-реформаторскую направленность, начинает приобретать жестко-конспиративные черты и более соответствовать своим западным аналогам. В свою очередь это создавало условия для изменения отношения верховной власти к самой модели тайного общества.

Важнейшим последствием анализа Александром I революций в Центральной и Южной Европе, подготовленных членами политической конспирации, стало «сворачивание стягов» правительственного либерализма внутри страны. Негативный политический европейский опыт подсказывал императору, что прежде чем обратиться к вопросу о кардинальных российских преобразованиях, следует проанализировать степень зрелости и готовность российского общества и государства к форсированному реформаторству. Таким образом, в силу кризиса внешнеполитического либерализма и переосмысления проблемы российских фундаментальных реформ была приостановлена их реализация. Как известно, в 1820 г. была свернута секретная работа по созданию российской конституции («Государственной Уставной Грамоты Российской империи»), представлявшей собой попытку соединения «самодержавия с конституционной системой». Тогда же Александр I отказался от поддержки инициативы аристократическо-сановной элиты дворянского общества в крестьянском вопросе, нашедшей выражение в записке на Высочайшее имя о создании вольного общества помещиков для выработки условий отмены крепостного права⁴².

Можно предположить, что именно Семеновская история и открытие деятельности «Тайного общества» в России не только усилили недоверчивость Алексан-

⁴¹ Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I: Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2002. С. 215–217.

⁴² Об этом см.: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1899. С. 113–137, 186.

дра I «даже к людям, в преданности которых он, казалось, не мог сомневаться»⁴³, но сделали в глазах императора данный крестьянский проект весьма опасным. Причем более всего его насторожила информация о сборе подписей среди помещиков в пользу освобождения крестьян, производимом кн. А. С. Меншиковым для подачи Всеподданнейшего адреса. Возможно, в этой инициативе император увидел подписку на вхождение в «Тайное общество», поскольку знал о подобной практике из доносов. Получив сведения об этой акции, Александр Павлович отправил А. С. Меншикова в отставку «как человека, подозреваемого в сношениях с людьми, опасными для правительства», несмотря на то, что тот был начальником канцелярии Главного штаба, флигель-адъютантом, пользовался «всегдашним императорским доверием». Как писал А. С. Меншикову И. В. Васильчиков, «к несчастью, происшествие Семеновского полка и полученные государем сведения о распространении нитей тайного общества сильно на него подействовали». При этом Илларион Васильевич, укорял своего адресата за то, что без его ведома собирались открыто подписи, тогда как главное условие его участия в данном деле «была глубочайшая тайна»⁴⁴.

Таким образом, в начале 1820-х гг. происходил взаимообусловленный процесс отказа от политики реформ и изменения официального отношения к модели тайного общества как инструмента политического развития и фактора реформаторского процесса. «Преследуемый призраком тайного общества»⁴⁵, Александр I все более капитулировал перед консерватизмом.

Между тем, все более усилившаяся в эти годы российская консервативная мысль, нашедшая наиболее яркое воплощение еще в «Записке о Древней и Новой России» Н. М. Карамзина, не являлась воинствующе антиреформистской. Ее адепты, и, прежде всего, сам историограф стремились продемонстрировать верховной власти и дворянскому обществу возможность иного эволюционного пути, без ускоренной ломки и государственного строительства по западным образцам, до которых, как они полагали, Россия еще не доросла. Поиск консервативного варианта реформ приводил к постепенному оформлению важнейших теоретических установок российского консерватизма, в основе которого лежала теория постепенности, приспособления привычных социально-политических форм и опоры на существующие учреждения, а также призыв к более осторожному отношению к преобразовательной практике и утилитарному и взвешенному подходу к опыту западноевропейских конституционных государств.

Все это приводило Александра I к отрицанию своего собственного либерально-государственного опыта и усиливало его опасения перед расширением либеральных настроений в обществе. Император все больше осознавал, что с помощью различных форм конспирации (от масонской ложи до тайного политического союза) социально активная группа дворянства приобретала не только политический опыт, но и потенциальные возможности реализации конституционного права представительства и реального участия в законотворчестве и управлении.

⁴³ Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова. Письмо князя И. В. Васильчикова к министру внутренних дел графу Виктору Павловичу Кочубею // РА. 1875. Кн. 3. № 12. С. 418.

⁴⁴ Письмо князя И. В. Васильчикова к князю Александру Сергеевичу Меншикову. 1821 год // Там же. С. 417.

⁴⁵ Там же.

Политическим итогом этого процесса стал упоминавшийся уже знаменитый рескрипт Александра I управляющему Министерством внутренних дел графу В. П. Кочубею от 1 августа 1822 г., который санкционировал закрытие всех тайных обществ, «под каким бы наименованием они не существовали». Согласно рескрипту, во всех государственных учреждениях следовало «всех членов таковых обществ обязать подпиской, что они впредь никаких масонских и других тайных обществ составлять не будут». Предписывалось взять подписку и вообще со всех лиц, «состоящих на военной и гражданской службе», и в случае их отказа увольнять со службы⁴⁶. Рескрипт отражал, с одной стороны, информированность правительства о российской конспирации различных типов и видов, а с другой — ее предшествующее почти легитимное бытование.

Во-вторых, как уже отмечалось, на позицию власти в отношении конспиративного движения большое влияние оказал донос М. К. Грибовского. Однако его воздействие было амбивалентно и способствовало «спокойному», хотя и осторожному отношению Александра I к «Тайному обществу» даже в 1822–1825 гг. С одной стороны, доноситель подчеркивал узость социальной основы конспиративного движения и заверял носителя верховной власти, что «буйные головы обманулись бы в бессмысленной надежде на всеобщее содействие». «Русские столь привыкли к образу настоящего правления, под которым живут спокойно и счастливо и который соответствует местному положению, обстоятельству и духу народа, что и мыслить о переменах не допустят»⁴⁷. Итак, Александру I в очередной раз была продемонстрирована позитивная и отвечающая внутренним условиям и народному духу сущность абсолютистской власти, главные достоинства которой заключались в сохранении социально-политической стабильности в стране и гарантии от революционных потрясений. Это давало определенные политические ручательства и не требовало форсированных жестких репрессий. В силу этого, М. К. Грибовский не «советовал» доводить дело до «судебного исследования». С точки зрения доносителя, «трудно будет открыть теперь что-либо о сем обществе». С января 1821 г. внешне оно было распущено, документы уничтожены, и «каждый для спасения своего станет запирается». Поэтому, чтобы иметь достоверные сведения, правительство должно избрать тактику не прямого судебного преследования, а секретного наблюдения за указанными в доносе лицами и их связями, а также сбора информации по конспиративному движению в целом. При этом М. К. Грибовский особо подчеркивал, что не следует поручать это наблюдение военному генерал-губернатору Петербурга М. А. Милорадовичу, который «окружен людьми, участвующими в обществе или приверженными ему». И, хотя «зародыш беспокойного духа» находится «в войсках, особенно в гвардии», для того, чтобы в России не произошли военные революции, подобные европейским, нужны не экстремальные меры, а бдительный надзор и постоянное, спокойное наблюдение за войсками⁴⁸. И Александр I, желая стабилизировать ситуацию в стране и обезопасить Россию от революционной «вакханалии», прислушался к доводам доносителя, на что обратили внимание исследователи⁴⁹, и приказал продолжать наблюдение, бдительный контроль и сбор информации секретными службами.

⁴⁶ ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 29 151.

⁴⁷ Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году // РА.1875. Кн. 3. № 12. С. 429–430.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Федоров В. А. Доносы на декабристов (1820–1825). С. 136; Семенова А. В. Новое о доносе М. К. Грибовского на декабристов. С. 68.

С другой стороны, донос М. К. Грибовского укрепил уверенность императора в силе, могуществе и финансовых возможностях российской политической конспирации. Так, согласно опосредованному свидетельству И. Д. Якушкина, Александр I как-то сказал П. М. Волконскому, пытавшемуся успокоить его на счет «Тайного общества»: «Ты ничего не понимаешь, эти люди могут все: кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства»⁵⁰. На то, что Александр I считал «Тайное общество» очень сильной в экономическом и политическом отношении, а главное — многочисленной нелегальной организацией, якобы обращал внимание ее руководителей генерал А. П. Ермолов. Как писал Н. И. Тургенев, генерал, возвращаясь на Кавказ в 1822 г., «...сказал некоторым из нас: “Государь знает, зачем вы здесь собрались, но он уверен, что организация ваша весьма многочисленна; если бы он знал, что вас так мало, то, может быть, решился бы сыграть с вами какую-нибудь скверную шутку”». Как комментировал Н. И. Тургенев, «этот генерал часто виделся с императором в Петербурге, считал его способным питать подобные замыслы и полагал, что тот не приводит их в исполнение только из страха, что придется иметь дело с большим числом людей <...> Правительство, видимо, преувеличивало важность общества»⁵¹. Поэтому не кажутся столь парадоксальными слова М. С. Лунина, что «в продолжение десяти лет или правительство было заодно с заговором, или оно не смело его уничтожить: и того и другого допустить невозможно»⁵².

И хотя в записке М. К. Грибовского были названы 33 члена политической конспирации, но никаких массовых репрессивных мероприятий проведено не было. Следствием участия в Союзе благоденствия для большинства указанных в доносе лиц стали лишь — подозрительное отношение начальства и остановка продвижения по службе⁵³. Следует добавить, что и по повелению Николая I, лица даже привлеченные к главному судебному процессу, но являвшиеся только членами Союза благоденствия и «не участвовавшие в тайных обществах, возникших с 1821 года», были оставлены «без внимания»⁵⁴.

В-третьих, немаловажную роль в утверждении не репрессивной государственной политики в отношении «Тайного общества» сыграла беспечность военачальников и самого министра внутренних дел в отношении агентурных данных о деятельности конспирации в Петербурге и на юге империи. Помимо записки М. К. Грибовского, главными источниками информации для правительства являлись доносы других членов политической конспирации, поданные по собственной инициативе (А. Н. Ронова, И. М. Юмина, И. В. Шервуда), донесения агента генерала И. О. Витта — А. К. Бошняка, агентурные сведения чиновников секретной полиции, а также перлюстрация. Однако военное командование в Петербурге — П. М. Волконский и М. А. Милорадович, а также В. П. Кочубей, в первых числах ноября 1820 г. информированные А. Н. Роновым о существо-

⁵⁰ Цит. по: Записки И. Д. Якушкина. М., 1905. С. 27.

⁵¹ Тургенев Н. И. Записки изгнанника // Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 61.

⁵² Записки И. Д. Якушкина. С. 74.

⁵³ Восстание декабристов. Т. XX. С. 16.

⁵⁴ Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденной 17-го Декабря 1825-го года Следственной Комиссиею, составлен 1827 года // Декабристы. Биографический справочник. С. 215–345; Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 584–586.

вании в столице «зловредного тайного союза», посчитали сведения доносителя недостаточно обоснованными и невольно дезинформировали Александра I. При чем В. П. Кочубей во всеподданнейшее письмо от 20 ноября 1820 г., информируя императора «о слухах, что в Санкт-Петербурге составилось общество, враждебное правительству», высказывал свои сомнения в существовании антиправительственной оппозиции⁵⁵. В свою очередь, и начальники 2-й армии — П. Х. Витгенштейн, П. Д. Киселев, И. В. Сабанеев — после доноса И. М. Юмина от 5 февраля 1822 г. имевшие сведения о политической конспирации в своих войсках, — стремились уйти от ответственности и обезопасить себя от обвинения в «разложении» подчиненных им частей. В донесениях в Петербург они демпфировали политическую составляющую дел о конспиративном движении и усиливали дисциплинарную.

Но и сам Александр I не спешил использовать решительные меры против «злоумышленников». Даже после шпионско-провокационной деятельности А. К. Бошняка — И. О. Витта в Южном обществе в мае-августе 1825 г., а также личного доклада последнего императору 18 октября того же года в Таганроге император не изменил своей позиции. При этом генерал не только говорил о «заговоре» в 1-й и 2-й армиях, «грозящем государственному устройству и лично императору», но проинформировал о «деле Тайного общества» с указанием ряда новых имен — М. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева, В. Н. Лихарева и др. и предложил план ареста уже известных заговорщиков. Однако Александр I лишь приказал генералу продолжать секретное наблюдение за их действиями.

18 мая 1825 г. И. В. Шервуд написал письмо Александру I, в котором информировал императора о деятельности политической конспирации во 2-й армии. Вследствие чего доноситель был вызван в Петербург, 17 июля того же года имел аудиенцию императора, который приказал ему продолжить шпионскую деятельность. Узнав программу и политические цели Южного общества, Шервуд сообщил об этом донесением от 20–21 сентября А. А. Аракчееву, который, не распечатывая конверт, отправил его царю в Таганрог. Александр I получил пакет 11 октября 1825 г. во время своего последнего крымского путешествия. Ознакомившись с бумагами, он передал их начальнику Главного штаба, генерал-майору И. И. Дибичу. 10 ноября того же года И. В. Шервуд получил пакет от генерала с последним императорским повелением «действовать самым энергичным образом» по поиску бумаг и полного списка членов «Тайного общества»⁵⁶. После смерти Александра I, 25 ноября 1825 г. военное командование в Таганроге получило Всеподданнейшее письмо А. И. Майбороды с списком более 70 членов Южного общества⁵⁷. Впереди было междоусобица и 14 декабря 1825 года.

В целом же, вопрос об отношении Александра I к декабристскому «Тайному обществу» следует рассматривать в контексте широкой проблемы: верховная власть и общественные объединения первой четверти XIX в. При этом официальная позиция в отношении к ним являлась составной частью правительственной политики, обусловленной как элементами стратегической долговременной программы, так и конкретными обстоятельствами и политической конъюнктурой.

⁵⁵ Черновые описи документов, обнаруженных в кабинете Александра I после его смерти // ГАРФ. Ф. 1717 (Собственная Канцелярия шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа). Оп. 1. Д. 128 Л. 1–12 об.

⁵⁶ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 449–486.

⁵⁷ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 64.

В отношении Александра I к общественному движению, в том числе движению тайных обществ, совершенно четко просматриваются два периода: либерализации и ужесточения правительственного курса. В первый период (1801 г. — начало 1820-х гг.) задачи создания идеологической основы для предполагаемого превращения России в конституционно-представительную монархию (конституционные планы 1809, 1820 гг.) требовали политического развития дворянства, усиления его социальной роли, предоставления возможности выражения дворянского общественного мнения. В этот период общественные объединения, в том числе тайные общества, обладали несколькими функциями. Первой функцией становилась «подготовка умов» к осуществлению политико-правовой реформы и подчиненных ей преобразований в государственном управлении и социальной сфере. Общества, как легальные, так и тайные, деятельность которых рассматривалась Александром I, правительственными деятелями и дворянскими интеллектуалами, как выражение некоторой гражданской свободы и составная часть концепции «законной монархии», должны были приучать их участников к новой либерально-просветительской модели общественной жизни и сформировать гражданское самосознание дворянства. Вторая функция состояла в формальном ограничении абсолютистской власти и подмене проблемы представительства проблемой общественного мнения.

Второй период царствования Александра I (1821–1825 гг.) характеризуются приостановкой реформаторского процесса и более осторожным отношением верховной власти к конституционной проблеме, а значит — и к подчиненному ей вопросу об общественных объединениях, в том числе тайных обществах. Запущенный самим правительством с начала XIX в. механизм политического развития дворянства, формирования передового общественного мнения к началу 1820-х гг. привел к тому, что социально активная и политически развитая часть дворянского общества стала настойчиво ставить вопрос о реализации конституционного права представительства. Не контролируемые правительством социально-политические процессы «напугали» Александра I, который отказался от официального либерализма и лишил либерально-реформаторское по своим целям «Тайное общество» декабристов права на легальное существование. Это, в свою очередь, сделало его по настоящему «тайным» и изменило тактические установки конспираторов. Единственным способом изменить ход и направление российской истории в конце 1825 – начале 1826 г. радикально настроенные руководители Севера и Юга избрали государственный переворот в форме «военной революции».

Список источников и литературы

- Александренко В. Н.* Россия и Англия в начале царствования императора Николая I: (По донесениям английского посла Странгфорда) // РС. 1907. Т. 131. № 9. С. 529–536.
- Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2010. 912 с.
- Артамонов Д. С.* Из истории «московского заговора» 1817 года // Освободительное движение в России. Вып. 21. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006. С. 55–67.
- Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 652 с.
- Борцяк И. [К.]* Восстание декабристов в освещении французского дипломата (По не-изданным материалам) // Парижский вестник. 1925. 25 июля. № 69.
- Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // РА. 1875. Кн. 3. № 12. С. 410–459.

Восстание декабристов: Документы. Т. XVII / Изд. подгот. С. В. Мироненко, С. А. Селиванова, В. А. Федоров. М.: Наука, 1980. 295 с.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX / под ред. А. Н. Сахарова. М.: РОССПЭН, 2001. 591 с.

Глинка С. Н. Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества: шестой период царствования Александра первого от 1818 года до 1825. 8 января 1844 г. // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007 С. 118–131.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1165 (Особенная Канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 299. Л. 1–4; Д. 300. Л. 1–9; Д. 304. Л. 1–34; Д. 312. Л. 1–36; Ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа). Оп. 1. Д. 128 Л. 1–12 об.; Д. 162. Л. 1–6 об.

Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. 444 с.

Жуковская Т. Н. Зимние тетради // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 1. СПб.: Нестор, 1997. С. 11–28.

Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I: Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2002. 217 с.

Завалишин Д. И. Записки декабриста Д. И. Завалишина. СПб.: Типография М. А. Вольфа, 1906. 464 с.

Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году // РА. 1875. Кн. 3. № 12. С. 423–433.

Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 663 с.

Лунин М. С. Письма из Сибири / Изд. подг. И. А. Желвакова и Н. Я. Эйдельман. М.: Наука, 1988. 250 с.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Изд. подгот. Б. Е. Сыроечковским. М.; Л.: Госиздат, 1926. 248 с.

Меттерних К.-В. Из записок князя Меттерниха // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 168–180.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 238 с.

Мироненко С. В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 239–250.

Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1955. 484 с.

Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 859 (Н. К. Шильдер). Карт. 17. № 20. Л. 1–5 об; Карт. 18. № 18. Л. 53; Карт. 38. № 15. Л. 15.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. (ПСЗ-1). Т. XXXVIII. № 29151.

Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. 286 с.

Рахмиров П. Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь: Издат. дом «Коммерсант», 2005. 406 с.

Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. Вокруг доноса Грибовского // Освободительное движение в России. Вып. 7. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1978. С. 90–99.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности). Оп. 1. 1814–1821 гг. Д. 1а, 2, 3.

Сахаров А. Н. Александр I. М.: Наука, 1998. 286 с.

Сафонов М. М. 14 декабря 1825 г. и проблема царевубийства // Политическая история России. Исторические чтения: «Гороховая, 2. 2006». Вып. 3. СПб., 2006. С. 14–17.

Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. 694 с.

Семенова А. В. Новое о доносе М. К. Грибовского на декабристов // Советские архивы. № 6. 1991. С. 65–71.

Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / Сост., вступ. статья и комм. Т. В. Андреевой и П. В. Ильина. СПб.: Лики России, 2011. 382 с.

Тургенев Н. И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 743 с.

Федоров В. А. Доносы на декабристов (1820–1825) // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1988. С. 130–151.

Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960. 422 с.

Шешин А. Б. Устав Орден Восстановления // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. II. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2000. С. 139–174.

Шешин А. Б. Д. И. Завалишин и Александр I // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. IV. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2001. С. 261–332.

Шипов С. П. Воспоминания С. П. Шипова // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 6. С. 180–186.

Якушкин И. Д. Записки И. Д. Якушкина. М.: Типография М. А. Вольфа, 1905. 236 с.

Le Forestier. Les illumines de Baviere et la franc-maconnerie allemande. 2 ed. Geneve, 1974. 446 с.